

Марина Александровна Харламова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
khr-spb@mail.ru

Язык и культура: этническая и культурная самоидентификация (на материале диалектной речи полиэтнического региона)

Аннотация: В статье анализируются высказывания диалектоносителей с точки зрения языковой рефлексии. Сквозь призму оппозиции *свой – чужой* рассматриваются вопросы этнической и культурно-языковой идентификации, воплощённые в традиционной речевой культуре сельских жителей Омского региона. Носители разнотипных говоров Среднего Прииртышья осознают свою этническую и культурную принадлежность, однако одновременно все считают себя сибиряками, включая и двуязычных респондентов (чехов, белорусов, украинцев и др.).

Ключевые слова: Языковое сознание, диалект, метатекстовые высказывания.

Abstract: Language and Culture: Ethnic and Cultural Self-Identification (using dialect speech of a polyethnic region). The article analyses the utterances of dialect speakers from the perspective of language reflection. The issues of ethnic, cultural and linguistic self-identification embedded in the traditional speech culture of the inhabitants of the Omsk region are studied through the prism of the opposition us – them. The speakers of various dialect types in the Middle Irtysh region realise their ethnic and cultural belonging, however, simultaneously they perceive themselves as Siberians. This is true also for bilingual respondents (Czechs, Belarusians, Ukrainians, etc.).

Keywords: language consciousness, dialect, meta-textual utterances

Взаимодействие языка и культуры находится в фокусе внимания отечественной лингвистики и рассматривается в рамках разных направлений – этнолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, этнопсихологии, диалектологии и др. С нашей точки зрения, культура – одно из средств самореализации человека, фактор его социального развития и существования. Человек „живет” в той или иной культуре и идентифицирует себя либо с родной культурой, либо сознательно выбирает для себя иную культуру. Исторические, экономические, социокультурные факторы оказывают влияние на этническую и культурную идентификацию того или иного этноса в целом и индивидуума в частности.

Проблема языкового воплощения этнического самосознания и самоидентификации является одной из актуальных в современной лингвистике. В связи с этим лингвистика обратилась к изучению обыденного (ненаучного) знания.

Обыденное мышление в конце XX века становится объектом пристального внимания учёных из разных областей знания, прежде всего – философов, психо-

логов и др. Язык как главный хранитель и манифестатор обыденного сознания стал естественно предметом исследования лингвистики. Обыденное знание рядового носителя языка (в нашем случае – диалектоносителя) – это результат его познавательной деятельности в повседневной речевой практике. Языковая практика носителя народной речи полиэтнического региона видится одним из важнейших источников наших знаний о современной традиционной культуре, ценностных установках и нравственных предпочтениях её носителей и, безусловно, представляет особый интерес для лингвистической науки, и лексикографии в частности (Харламова 2014). По наблюдениям А.Н. Ростовской, „представления о языке людей устной культуры с необученным языковым сознанием, каковыми являются малограмотные носители традиционного слоя диалекта” отличаются „значительно большей стабильностью” по сравнению с образованными и грамотными людьми, ориентированными на систему научных понятий о языке, в связи с чем обыденные знания последних „подвержены постоянной корректировке” (Ростова 2000, 48).

Через „чутьё языка народом” (выражение Б. де Куртенэ), как представляется, в какой-то мере можно воссоздать этапы исторического и культурного развития языков и диалектов на конкретных территориях, выявить пути формирования говоров в том или ином регионе, проследить современные динамические процессы в народной речи и особенности концептуализации и мировидения носителей разных диалектов и т.п. Своеобразие современной традиционной культуры отчетливо проявляется на территориях позднего заселения. Так, на территории Омского Прииртышья активно развиваются междиалектные и межъязыковые связи. Природа таких связей различна: это и наследие восточнославянского (и праславянского) и общерусского единства, и результаты мощных миграционных процессов кон. XIX – нач. XX вв., и следы межэтнических контактов XX – XXI вв. (Харламова 2014, 13–91) и т.п. Длительное сосуществование на территории позднего заселения говоров разных языков (как славянских, так и неславянских) и взаимодействие различных культур сформировало особое языковое пространство, манифестирующее *интеграцию говоров с разной диалектной основой*, с одной стороны, и *нивелировку традиционной сибирской речи* – с другой. Информация об истории появления тех или иных этносов в регионе может быть извлечена как из специальных исследований историков, этнографов, так и из показаний метаязыкового сознания носителей диалектов, манифестированных в материалах полевых записей диалектологических экспедиций. Для нас важным является именно полевые записи диалектной речи носителей традиционной речевой культуры Омской области, собранные во время экспедиций начиная с 70-х годов XX века и по настоящее время, отражающие народный взгляд на мир как в синхронии, так и в диахронии.

Круг явлений, представленный в метавысказываниях современных диалектоносителей, весьма широк. (О метатексте и метаязыковом сознании см. подр. (Ростова 2000, 52–55; о метаязыковом сознании, там же: 45). Информанты могут осмыслять особенности фонетического, грамматического, словообразовательного, лексического и семантического уровней языка. Но чаще всего они рефлексируют по поводу своего/чужого лексикона, толкуя значения слов, устанавливая мотива-

ционные связи между ними, маркируя территориальные, возрастные, временные, коннотативные признаки лексем. Наблюдения над языком у носителей народной речи непосредственно связаны с их этно- и социоидентификацией, т.к. именно язык признаётся диалектоносителями основным атрибутом этноса. Этническая и культурная идентичность формирует человеческое Я: «Идентификация превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяет ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах „Мы” и „Они”» (Седов 2011, 32).

Поскольку Омская область – это полиэтничный регион, то осмысление информантами себя и окружающих с позиции *своё – чужое* представляется значимым и актуальным.

Таким образом, цель статьи – показать на примере анализа метатекстовых высказываний носителей народной речи полиэтнического региона Среднего Прииртышья рефлексию современных диалектоносителей по поводу особенностей *своей* и *чужой* речи, *своей* и *чужой* нации.

Собирая материал в полевых условиях, исследователь оказывается „тем внешним побудителем, который направляет информанта от бездумного пользования языковыми фактами к их осмыслению, превращая их в объект языкового мышления” (Кирпикова 1972, 166). Размышления носителей традиционной речевой культуры выявляют то, как диалектоносители оценивают прежде всего *свою* и *чужую* речь. Носители русских старожильческих говоров (с севернорусской основой) акцентируют внимание на особенностях произношения соседей – носителей новосельческих говоров (с южнорусской диалектной основой), которых они называют „хохлами”: *А-их кам-курских тока хахлы звали / ани фсё чяво зачем вот-так-вот как-та их была паговорка //* (д. Качесово, Муромцевский р-н, Фектистова В.В., 72 г., неграмот., старож., 2005).

Речь двуязычных респондентов характеризуется высокой степенью рефлексивности и повышенным вниманием как к чужой речи, так и к своей собственной, что может быть обусловлено, с одной стороны, ситуацией двуязычия, в которой находятся информанты, с другой – необходимостью постоянно переключать речевые коды. Осмысленное отношение к языку у информанта – этнической эстонки, например, проявляется в использовании лингвистических терминов, таких, как *звонкие, глухие согласные, шипящие, акцэнт, ударение*, – с полным пониманием их значения: *Чё-та у-нас и-эстонцы все-эти звонкие глухие эти согласные вот-эти шипящие никак ни-справлялись/ а-у-миня пачиму-та вот-так/ я знала и как-та-вот у-миня палучалась//* (г.Тара, Тарский р-н, Блум М.П., 71 г., 4 кл., эстон.-рус., 2007). Этот же респондент рефлексировал о языке метрополии, разграничивая эстонский язык своей деревни и тот, на котором говорят в Эстонии: *И-вот дажэ язык у-нас эстонский язык /а-там [в Таллине] талинский//* (г.Тара, Тарский р-н, Блум М.П., 73 г., 4 кл., эстон.-рус., 2009); *В-Эстонии тожэ разные есь /есь талинский язык/ есь дарбуиский/ есь там тожэ//* (г.Тара, Тарский р-н, Яско В.А., муж., 75 л., 4 кл., эстон.-рус., 2009).

Внимание к грамматике родного языка обнаруживаем в рассуждениях сибирской чешки Е.А. Ишковой: *Я фсигда гаварила што мушская фамилия не-скланяица а/ ну и у-нас фсигда гаварили// Naki babička bila pan’i Vondrová... d’ed bil*

*Vondrú/ a nám porád říkali Vondra// Вот на-уроке.../ а я фсигда аскарблялась...
popravuju/ že Vondrová/ ну//* (г. Омск, Ишкова (Вондра) Е.А., 59 л., ср.-спец., рус.-чеш., 2012).

Респондент выделяет такую особенность в чешском языке, как дифференциация мужских и женских фамилий, т.е. гендерные словообразовательные признаки. Полагаем, что именно эта черта является важной частью языкового сознания (самосознания) сибирских чехов.

Отражением эстонской языковой культуры можно считать функционирование личных имён только в полной официальной форме, поскольку в эстонском языке абсолютное большинство имён не имеют модифицированных разговорных вариантов, вариантов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, как в русском. Например, этническая эстонка М. П. Блум, обращаясь к мужу, говорит: *Ну/ Виктар/ пачиму ани ни-любят?//; Пиритайти той Марии привет ат-Марии Блум/ ана миня знаит//* (г.Тара, Тарский р-н, Блум М.П., 73 г., 4 кл., эстон.-рус., 2009). Респондент М. П. Блум, рассказывая о себе, обращает внимание не только на этические нормы (обращение – полное имя), но и на особую эстонскую интонацию, маркирующую её как эстонку: *Я куда ни-найду/ за-телефонную трупку// А/ эта Мария ты?/ сразу мне ни-нада прицтавляца//* (г.Тара, Тарский р-н, Блум М.П., 73 г., 4 кл., эстон.-рус., 2009). Именно интонационные характеристики речи выделяют этнических эстонцев старшего поколения.

В силу экстралингвистических причин разные этносы Среднего Прииртышья сохраняют и поддерживают народные традиции, свою культуру и язык. Латыши, чехи, эстонцы среднего и старшего поколения владеют как родным диалектом, так и русским языком, хотя сознают, что постепенно теряют языковые традиции: [По-эстонски вы говорите дома?] – *Па-эстонски// А-внуки/ внуки ужэ фсё па-русски// У-миня вот доч'ка/ старшая доч'ка вышла за-эстонца и-вот у-них доч'ка/ и-вот цяс сын// Хоть ты в-мишок их пасади/ ну/ им-та наверна в-мишок ни-пасадиш// И-дети рускиш/ рускиш/ фсё ужэ// И-вот иво [мужа] доч'ка/ ну фсе/ фсе/ фсе рускиш//* (г.Тара, Тарский р-н, Блум М.П., 73 г., 4 кл., эстон.-рус., 2009); *А дети маи никто ни-разговариваит// Дети-та дети эта/ ну/ и-внуч'ки/ те по-руски и-дети по-руски//* (д. Новоградка, Калачинский р-н, Вондра Ф.И., жен., 79 л., неграмот., чеш.-рус., 2004). Овладение русским языком таких носителей идёт параллельно с инкультурацией, т.е. вхождением в русский „культурный мир”.

Однако для них язык остаётся важнейшим дифференциальным признаком этноса. Самоидентификация того или иного народа проявляется прежде всего в метатекстах – „высказываниях о самом высказывании” (Вежбицка 1978, 404), метатекст – это „язык”, на котором говорят „не о внешнем мире, а о языке” (Ляпон 1992, 77). Аксиологичность языкового сознания при описании тех или иных реалий бытовой культуры особенно ярко реализуется в высказываниях носителей разных языков: *Здобу тожы фсё пыкли фсё время / ну-как-ана па-нашыму бухты назывались//* (д. Воскресенка, Калачинский р-н, Кадермас А.И., муж., 65 лет, грамот., рус.-чеш., 2004); *Так скавародник и-был/ да-ицо ни-так/ у-них (у хохлов) чипила была/ чипёлка//* (р.п. Черлак, Черлакский р-н, Хуторенко, 85 л., жен., ср.-спец., новосел, 2004). Осмысление своей и чужой речи выявляют метатексты, где

респонденты акцентируют внимание на особенностях языка и диалекта: *Ф-Талине ни-так гаварят/ а-вот в-Выру-гораде гаварят как ну/ пахожэ на-наш язык//* (г. Тара, Тарский р-н, Удрас А.Э., муж., 66 л., 7 кл., рус.-эстон., 2007). Восприятие речи жителей соседних деревень как *чужой* характерно для многих наших информантов: *Их чылдонами называли / оны шыпкъ плохъ разговарывали//* (д. Кейзес, Седельниковский р-н, Григорьева А.С., 80 л., рус.-бел., 2004). Оценка *плохо* не столько касается „качества” речи, сколько показывает, что информант – этнический белорус – видит отличия *чужой* речи.

Свою этническую и языковую „специфичность” ощущают и носители русских говоров Среднего Прииртышья: *Я-то тут радилась/ ф-Сибири// Чалдоны у-нас были ф- Кабурлах/ щас ужэ разбежались// Диревня была называли sibя кацапы/ люди как люди//* (Лаврино, Нижнеомский, Сухомозова Н.Д., 78 лет, 7 кл., новосел, 2007); *Вэкатерынафке значыт этъ чылдоны эти-вот / их чылдонами называли //* (д.Кейзес, Седельниковский р-н, Григорьева А.С., неграмот., рус.-бел., 2004). Осознание своей национальной принадлежности сопровождается и оценкой с этих позиций односельчан: *А-йэво ни-паймёш// Мать была латышка/ атец немц// Тут-так смешынные здесь фсё//* (д. Бобровка, Тарский р-н, Ликсна И.И., муж., 85 лет, 5 кл., рус.-латыш., 2007).

Полиэтничность как характерная черта изучаемого региона предстаёт в рефлексии диалектоносителей особенно отчетливо. Так, они дают определения этносам или отмечают „особость” соседей, употребляя узуальные и литературные номинации этносов: *А чылдон эта сибирский или рождённые з’десъ//* (д. Решетниково, Большереченский р-н, Копылова Е.И., 68 л., неграмот., рус.-бел., 1999); *А-фсё мы как-челдоны/ нас как-челдонами звали тут/ ну-найерна нацыя наша челдонская// А-Кам-Курским как-та чяс/ ужэ там мала хахлоф а-их кам-курских тока хахлы звали //* (д. Качесово, Муромцевский р-н, Фектистова В.В., 72 г., неграмот., старож., 2005); *А-потом з’десъ в-этом доме жыли латышы// Были фсе вмес’те//; Вод было нескол’ко семей немцэф тожэ// Оне и-сийчяс-вот ихны дома// ...Они с-Поволжъя были вакуированы сюда//* (с.Такмык, Большереченский р-н, Петрова В.П., 70 л., 7 кл., старож., 1999). „Рассейскими”, „самоходами”, „хохлами”, „кацапами” называют переселенцев (они себя сами) из Смоленска, Курска, Тамбова, Пензы, Воронежа и др., проживающих в Омской области: *Па-мойму челдонка/ а ризанские хахлы// Кагда мален’кие были кричали ани чылдон чылдон а мы на-них хахол хахол// Ф-наспарте руская//* (д. Хомутинка, Нижнеомский р-н, Миронова Е.С., 75 л., 2 кл., новосел., 2007).

Однако большинство сельских жителей Среднего Прииртышья считают себя *русскими, сибиряками*, в их речи широко представлено общее (помимо *русские*) самонаименование *сибиряки* „житель, уроженец Сибири, коренной житель Сибири”: *Маи радители мален’кими приехали/ Атец мален’кий приехал с-Пензинской области// Бабушка и-дедушка с-маминай стараны ани сибирики были// Ну-какая рас радилась ф-Сибири сибирики значит//* (д.Хомутинка, Нижнеомский р-н, Косарева Т.Я., 68 л., ср.-спец., новосел., 2007).

Даже чехи, осознавая себя чехами, тем не менее подчеркивают, что они и их родные – сибирские чехи или сибирские немцы, латыши и т.д.: *Я па-нацыанал’насти/ ну пишуь-я чешка/ канешна/ патаму-шта атец был чех/ а-мать нем-*

ка// Ну ана немка как/ здесь/ сибирская...// (д. Новоградка, Калачинский р-н, Киселёва (Вондра) М.И., 57 л., 8 кл., доярка, рус.-чеш., 2000). Климатические условия, географическое положение, историко-экономические факторы и др. повлияли на процессы как инкультурации, так и на процессы языковой интерференции, что воплощается в осознании себя *сибиряками* всех без исключения этносов, издавна проживающих на территории Среднего Прииртышья.

Этническая самоидентификация – важная характеристика языковой личности респондентов-эстонцев, именно в этом проявляется их национальная специфика. Французский историк Жан-Пьер Минадьё отмечает, что «национальное самосознание эстонцев сложилось в „догосударственную” эпоху. Осознание себя нацией шло не посредством политики, а посредством культуры и языка. [...] У эстонцев [...] человек, говорящий по-эстонски, воспринимается „своим”, „эстонцем”, вне зависимости от его этнического происхождения или же от гражданства. И даже – от места жительства» (Жан-Пьер Минадьё, электронный ресурс). Согласно этой позиции наш информант М.П. Блум воспринимает и себя и членов своей семьи: *А-внуки/ внуки ужэ фсё па-русски// У-миня вот доч'ка/ старшая доч'ка вышла за-эстонца и-вот у-них доч'ка/ и-вот цяс сын// Хоть ты в-мишок их пасади/ ну/ им-та наверна в-мишок ни-пасадиш// И-дети рускии/ рускии/ фсё ужэ// И-вот иво [мужа] доч'ка/ ну фсе/ фсе/ фсе рускии// – [По-эстонски не говорят?] – Не/ наши дети-та гаварят/ а-ужэ патомсва...//; А-дети ужэ/ ани настояции рускии/ ужэ ни-атличиш ничё/ ни-скажыш/ их ужэ ни /им ужэ и-трудна па-эстонски разгаваривать/ у-них скарее фсиво лихко па-русски//.*

Таким образом, информанты – носители разных диалектов и языков – ставят знак равенства между языком говорящего и его национальностью. Языковая культура и языковые традиции сельских жителей полиэтнического региона, отраженные в метатекстах, показывают сознательное отношение их к своему языку и окружающим диалектам, а также высокий уровень языковой рефлексии в отношении *своего/чужого* этноса. Несмотря на то что современные сельские жители на территории Среднего Прииртышья в большинстве своём осознают национальную специфичность и принадлежность к родной культуре и языку, их инкультурация и социализация в условиях Сибири привела к тому, что все они одновременно осознают себя прежде всего *сибиряками*, *сибирскими* чехами, латышами, эстонцами, немцами, русскими и т.д.

Литература

- Вежбицка А. (1978), *Метатекст в тексте*, [w:] Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста, t. VIII, Москва, с. 402–421.
- Кирпикова Л. В. (1972), *Использование фактов языковой компетентности носителей говора в лексикологическом исследовании*, [w:] Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии: Доклады и сообщения межвузовского семинара кафедр русского языка высших учебных заведений Западной Сибири, ред. О.И. Блинова, Барнаул, с.164–174.

-
- Ляпон М. В. (1992), *Грамматика самооценки*, [w:] *Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке*, Москва, с.75–89.
- Минадьё Жан-Пьер. *Французский историк: Эстонцы осознают себя нацией посредством языка*, <http://rus.postimees.ee/160927/francuzskij-istorik-jestoncy-osoznajut-sebja-naciej-posredstvom-jazyka/>, 20.12.2015.
- Ростова А. Н. (2000), *Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)*, Томск.
- Седов К. Ф. (2011), *Речезанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности*, [w:] *Жанры речи*, т. 7, Саратов, с. 25–46.
- Харламова М. А. (2014), *Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация*, Омск, 290 с.

